

**АНТРОПОНИМИЯ КАРЕЛИИ
КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ СБОРА
И НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ***

В 2020 году Институту языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН исполнилось 90 лет. Одно из направлений его деятельности — ономастика. Пятьдесят лет назад в секторе языкоznания была создана Научная топонимическая картотека Карелии и сопредельных областей (НТК), и уже полвека сотрудники пополняют эту картотеку. В настоящее время планомерно осуществляется формирование исследовательской базы по карелоязычной антропонимии, систематический сбор которой в Карелии начался относительно недавно — на рубеже 1990—2000-х годов. Однако еще до этого прибалтийско-финская и русская антропонимия попадала в поле зрения сотрудников института. Первым в середине 1960-х годов собирать антропонимический материал стал аспирант В. Т. Лескинен, который записывал у жителей Республики народную топонимию на карельском языке. В ходе топонимических изысканий исследователь рано или поздно сталкивается с антропонимией, поскольку исторически сложилось, что в топонимии Карелии и особенно в ойконимии фиксируется много отантропонимных названий. Таким образом, при сборе и изучении топонимического материала необходимо прояснить его содержание, опрашивая местное население в том числе на предмет функционирования местной антропонимической системы. Поскольку В. Лескинен был заинтересован в изучении саамского топонимического наследия, собранный им антропонимический материал представлен главным образом данными из северной Карелии. Он свою работу не закончил. Однако в его материалах зафиксировано около сотни карельских форм русских христианских имен конца XIX — первой половины XX ве-

ка на территории бывших Олангской и Кестеньгской волостей.

Следующий этап связан с приходом в институт в 1970 году Н. Н. Мамонтовой. Начался систематический сбор карелоязычной топонимии, прежде всего в ареале карелов-ливвиков на юге Карелии. Собранный Н. Н. Мамонтовой материал лег в основу Научной топонимической картотеки Карелии, в которой отразилась и антропонимия на карельском языке — личные имена, прозвища и родовые фамилии. Не обошла исследователь важного для прибалтийско-финской ономастики вопроса и в научных работах, посвященных образованию топонимов от антропонимов — как от народных форм христианских имен, так и от родовых прозвищ. Переход на должность ученого секретаря института прервал работу Н. Н. Мамонтовой по этой тематике.

В конце 1970-х годов изучением вепской топонимии и антропонимии Карелии и сопредельных территорий занялась И. И. Муллонен. В исследованиях и докладах она часто затрагивала тему функционирования вепских нехристианских и христианских имен, а также прозвищ и фамилий в топонимии. Были выявлены истоки многих вепских исторических ойконимов, базирующихся на антропонимах. Экспедиции И. И. Муллонен проводились на русскоязычных и карелоязычных территориях, записывался и карелоязычный антропонимический материал; он лег в основу некоторых выводов о бытованиях карелоязычных антропонимов на ныне обруссевших территориях, в частности, в Заонежье и Прионежье.

Сбором и изучением русскоязычной антропонимии Карелии в институте не занимались. Однако народные формы русских православных и нехристианских имен фиксировались в ходе экспедиций на побережье Белого моря, в Прибеломорье, Заонежье,

* Публикация подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН.

Прионежье и Пудожье. Обобщающих трудов по народной антропонимии русскоязычных территорий Карелии до сих пор нет, хотя отдельные вопросы освещены в работах И. И. Муллонен и Е. В. Захаровой.

Новый этап сбора карелоязычной антропонимии начался в конце 1990-х годов, при этом интерес сместился на изучение собственно-карельской топонимии и антропонимии северных регионов Карелии. И. И. Муллонен, О. Л. Карлова и Д. В. Кузьмин провели более 70 выездов по сбору топонимии и антропонимии. Записывались названия домов, карелоязычные формы христианских имен, неофициальные и официальные фамилии, а также прозвища, включая коллективные. Со временем работа распространилась и на карелоязычные территории Ленинградской и Тверской областей, где российскими учеными такие изыскания не проводились. Итогом экспедиций стал ряд исследований, основной целью которых было описание функционирования карелоязычной антропонимической системы. Удалось, в частности, начать реконструкцию средневекового именника карелов, в том числе женского, в сравнении с системой подобных имен на других прибалтийско-финских территориях. Разработка вопроса дала толчок к сбору карелоязычных кличек животных (в частности, коров и лошадей), в которых фиксируются общие для двух ономастических классов основы. Это вывело реконструкцию средневекового карельского именника на новый уровень и способствовало активизации сбора кличек домашних животных, которые в 1970—1990-х годах фиксировались только спорадически.

На новый уровень в настоящее время вышло изучение былого бытования у карельского населения русских нехристианских имен, в частности, бытового характера. Внимание к карелоязычной антропонимии способствовало выявлению подобных имен в основе неофициальных и официальных фамилий карелов, а также в топонимии. Можно констатировать, что с принятием христианства карелы восприня-

ли не только христианский именослов, но и бытовые русские нехристианские имена, которые не широко, но все же встречаются на территории Карелии, включая прародину карельского этноса в Приладожье.

Сбор прозвищ навел исследователей на интересную еще не разработанную тему — бранная или неприличная лексика, часть которой напрямую связана с фразеологией, ономасиологией и антропонимией через прозвища. В основе последних фиксируется немало обзывков грубого характера, указывающих на отрицательные характеристики их носителей. Среди прозвищ немало указаний на представителей фауны, при этом многие из них фиксируются и в составе официальных и неофициальных фамилий карелов. Оказалось, что фамильные прозвания с пейоративной коннотацией составляют в карелоязычной антропонимии более многочисленную группу, чем фамилии с положительно-оценочным значением. Таким образом, выявление слов и словосочетаний, в частности, грубых обзывков, позволяет установить дополнительные мотивы появления карелоязычных родовых прозвищ и фамилий на их основе (*tipahaukka* 'сексуально озабоченный' → фамилия *Haukka*).

Реконструкцией некалендарного именослова Карелии, прежде всего русских бытовых имен, на материале исторических источников занимается И. А. Кюршунова. В своих работах она уделяет внимание мотивационной базе исследуемых русских некалендарных имен, а также их структурным и семантическим особенностям.

Попытаемся на примерах осветить некоторые моменты, что стало возможным благодаря экспедициям и исследованиям последних лет.

В антропонимии еще сохраняются многочисленные, но часто уже вышедшие из активного употребления народные формы православных имен, а также следы прежнего нехристианского карельского антропонимикона. Все они «живут» прежде всего в памяти людей старшего поколения, которые застали карельскую деревню в

ее аутентичном виде и успели зафиксировать имена и прозвища родственников и односельчан. В экспедициях приходилось слышать от рожденных после войны информаторов: откуда вы вообще такие имена берете? И это не говоря о карелоязычных формах официальных имен, каждое из которых в карельской среде имело не по одному варианту. Так, у имени *Vasiliй* на территории карельского этноса их фиксируется более 60 (ср. *Väčila*, *Väčukka*, *Vak(k)o*, *Vakuri*, *Vaski*, *Vasikka*, *Vašo*, *Vuacči*, *Vuašši*, *Väslä* и др.), а у женского имени Мария их 70 (ср. *Maija*, *Maču*, *Maka*, *Mańni*, *Mańukki*, *Maraša*, *Marda*, *Marikko*, *Maru*, *Muarie*, *Muuročka* и др.). Таким образом, только люди преклонного возраста могут пролить свет на интересующие нас вопросы. Без этого можно было бы только предполагать, что скрывается за такими формами, как *Hima* — Ефимия, *Hoīka* — Фадей, *Hrotu* — Харитон, *Jefinä* — Ефим, *Neño* — Ненила, *Nikku* — Никифор, *Palli* — Павел, *Patikkö* — Павел, *Saíkuri* — Александр, *Ula* — Ульян и др. Осведомленность исследователя в подобных вопросах позволяет представить правильную этимологию названий населенных пунктов на территории Карелии: *Aketti* 'Авксентий' → дер. *Aketti* (рус. Акетти), *Anšoi* 'Анисим' → дер. *Anšoil(u)* (рус. Аншивицы), *Gliimoi* 'Клементий' → дер. *Gliimoilu* (рус. Глимойла), *Hoški* 'Федор' → дер. *Hoškoi-lu* (рус. Хошкойла), *Jupla* 'Евпл' → дер. *Juplu* (Юплу), *Lumbi*, *Lumppra* 'Лупп'; 'Олимпий' → дер. *Lumbilu* (рус. Лумбила), *Nadžoi*¹ 'Назар' → дер. *Nadžoinvongu* (рус. Маяйельга), *Olk'i* 'Алексей' → *Olk'i* (рус. Сигозеро), *Silke* 'Силуян' → *Silkelänkylä* (рус. Силкела) и др.

Функционирование и реконструкцию деревенских фамилий покажем на примере семей *Суворовых*² в деревнях Зивчала и Яккойла (Олонецкая Карелия). К сожалению, народный карелоязычный вариант в ливвиковском ареале зафиксировать не удалось. У твер-

ских карел в селе Никольское деревенским вариантом выступает *Sumurka*. В основе может лежать рус. *смурый* 'неласковый, мрачный, неприветливый', видимо, синоним закрепившегося в фамилии *Суворов* слова *суворый* 'суровый'. Обратим также внимание на фамилию *Šmura* — *Шмурин*, бытавшую у кареллюдиков в Пряже и в финской Приграничной Карелии, в основе которой может быть рассматриваемое русское заимствование.

Функционирование у карелов общего для людей и домашних животных именника натолкнуло на мысль поиска антропонима *Čalkki*, закрепившегося в названии деревни *Čalkinkylä* (Чалкосельга). *Čalkki* использовалось как кличка гнедой лошади, в окрасе которой заметна примесь светлых волос (ср. рус. *чалый*). Оказалось, что лексема бытowała раньше и в антропонимии: кар. *čalkki* 'человек с седеющими волосами или проседью'. Таким образом, характерная особенность внешности легла сначала в основу прозвища, а позднее родовой и официальной фамилии *Čalkki* — Чалкин в деревне Яловуара (северное Приладожье). Данный факт позволяет считать, что в названии *Čalkinkylä* также закрепилось прозвище ее основателя. Правомерность реконструкции подтверждает, видимо, аналогичное по семантике прозвище *Чалой/Чалый* у русского населения в XVI—XVII вв.: *Иванъ Чалой, Тимошъ Чалый* (Тупиков 1903 : 421).

Пример показывает, что среди карельских антропонимов есть и прозвища русского происхождения и бытовые имена типа прозвищ. В качестве личного мужского имени на прародине карелов в Приладожье русские нехристианские имена обнаруживаются еще в первой половине XVII века: *Рудак Болдоринен* (1618), *Перво Мигриляйнен* (< Первой) (1629) (ИК 1987), *Iivana Putilainen* (< Путила) (1660) и торговец-карел из российской Карелии *Huotari Drusinainen* (< Дружина) (1698) (Kokkonen 2002 : 126, 272). Фиксация фамилии *Drusinainen* дает основание полагать, что на территории современной Карелии подобные русские имена функциониро-

¹ Ср. *Nadžoi* (вар. *Nadžu*) — это также карельский вариант мужского имени *Насон*.

² Ср. топоним *Suvozengora* в Покровском ← **suvo(ne)* ← ? **сувор(ый)*.

вали не только в письменных источниках, но и в народной среде (кар. **Dru-sina*), тому есть подтверждения в карельской антропонимии и топонимии: в 1707 году в Сельгах проживал крестьянин Нестер Гуляев (← рус. Гуляй) (КП 1707 : 531). Можно предположить, что его отец Гуляй носил имя *Gull'u*, на что, возможно, указывает название поля в Сельгах — *Gull'unpeldo* (НТК). Обращает на себя внимание записанная финским исследователем Л. Пякконеном в финнанизированной форме деревенская фамилия *Kulanen* (Pääkkönen 1898 : 243), которую носил в конце XIX века род Гуляевых из деревни Пелкула Паданской округи. Ее реконструируемая карелоязычная форма была бы *Kul'ane* или, скорее, *Gul'ane* ← **Gul'a/*Ku'l'a* (Гуляй). Видимо, к этому нехристианскому имени восходит и деревенская фамилия *Gul'aššu* (офиц. Гуляшов) на юге Карелии в селе Тукса (рус. Гуляй → *Гуляш(a) → кар. **Gul'aššu*). На возможность реконструкции, в частности, указывают зафиксированные в карельском антропонимиконе народные варианты христианских имен с суффиксом *ssu/ššu*: *Ološšu* — Алексей, *Petkossu* — Петр, *Vaňkossu* — Иван, а также *Kol'assu* — *Николай. Ср. кар. *Herošši* — Герасим, *Kibrusši* — Киприян, *Mitrusši* — Митрофан, *Onašši* — Ананий. Итак, экспедиционный материал вкупе с письменными источниками позволяет восстанавливать и вышедшие из употребления, усвоенные из русского нехристианские имена.

На основе карелоязычных антропонимов возможны реконструкции некоторых бытовых форм русского именинника, употреблявшихся на сопредельных с Карелией русскоязычных территориях; он стал прообразом для некоторых карельских народных имен (рус. Гуляша, Коляша, Гороша, Кипруша и т. д.). Эта тема еще не разработана, а большая часть бытовых форм христианского именослова русских Карелии уже ушла в небытие. Всестороннее исследование карельской антропонимии позволяет осветить и некоторые стороны этой интересной темы.

Хорошим «подспорьем» для интерпретации карельских неофициальных

деревенских фамилий может служить бранная лексика, в том числе обзычки.³ В силу ненормативности и специфики подобная лексика долгое время редко попадала в поле зрения исследователей. Например, откровенно неприличные слова и выражения не фиксируются фразеологическим словарем карельского языка. Интересны здесь наименования лиц с отрицательными характеристиками, в частности, зоонимические прозвища, которыми нередко характеризовались предки носителей той или иной фамилии, ср.:

čiilinkarva 'неуживчивый (букв. ежовая шкура)' > *Čili* — Ежиков (Карельский Городок), **Čili* — Ежов (Торасозеро);

diga, digo 'человек с отвисшим задом (букв. домашний гусь)' > *Diguška* — Дигушкин (Погорелец, Тверская область), ? **Digu* — Дигуев (Тукса);

joršši 'ёршистый (букв. ерш)' > *Joršši* — Ершов (Терккула), *Joršši* — Тарасов (Заячья Сельга);

kurgi 'тощий человек; с длинными тонкими ногами (букв. журавль)' > *Kurgi* — Журавлев (Янгозеро), *Kurgi* — Дмитриев (Пебозеро);

kondie 'самодур (о полном мужчине с обильной растительностью на теле; букв. медведь)' > *Kondie* — Андронов (Шуезеро); *Kondjaine* — Медведев (Спасская Губа);

kägi 'жуликоватый; хитроумный' > *Käkini* — Минин (Логоварака), *Kägöi* (Мийнала, Фин.);

lehtä 'наивный; простак; о полной женщина или женщине с большой грудью (букв. корова)' > *Lehmäne* — Коровин (Челкиозеро);

löttö 'пакостливый человек (букв. лягушка)' > *Löttöne* — Мартискайнен (Суоярви), *Löttö* — Мокеев (Виллойтула), деревня *Löttöne* (Вуоттониеми, Финл.);

molu / maitu 'коротышка; человек маленького роста (букв. рыбешка)' > *Mo-*

⁴ Ср. кар. *Höpötti* = *Hölmö Isakanpoika* (1618, Импилахти) (*höpötti* 'чудак; придурковатый'; *hölmö* 'недоумок; недотепа' → букв. Чудак (Недотепа) сын Исаака), *Hodari Höblänpoika* (1618, Контиолахти) (*höblä* 'разиня; простак' → букв. Федор сын Простака) (Nissilä 1975 : 145).

l'u — Ериов (Карельский Городок); *maiti* 'малек; рыбешка' > *Maiti* — Мальков (Текаччула), *Maimane* (Пирдойла);
počči / siga 'грязнула (букв. свинья)' > *Počči* — Родионов (Ваччойла); название деревни *Sianwuara* (Свиная Гора) < кар. *siga* 'свинья; свин (о человеке)';
rebo 'лизоблюд; хитрец (букв. лиса)' > *Rebo* — Ребоев (Кончезеро), *Reboi* — Лисицын (Спипидоннаволок);
sokola 'кичащий или зазнающийся человек; громкоголосый' > дом *Sokolankodi* (Янгозеро);
važa 'слабый, немощный (букв. теленок)', *haižut kuin važa* букв. 'пахнешь, как теленок (о плохоопахнувшем человеке)' > род *Vaza* (Мойссиенвуара, Финл.);
mado(zmija) 'некоторый, противный человек': *Zmejamado-Vaňa* (Романов) (Данилково, Тверская область).

Некоторые карельские деревенские фамилии могут быть результатом эллиптического развития сложных обывок: официальная фамилия *Karvarindin* (кар. *karvarinta* 'мужчина с волосатой грудью') — неофициальная фамилия *Karvani*. Подобная ситуация наблюдалась и в финской Приграничной Карелии: неофициальная кар. *Nahkučiikoi* 'летучая мышь' и официальная фин. *Nahkanen* (Салми, Финл.), кар. *Karhapiä* букв.

'с растрепанными волосами' (Хойлола, Финл.). Эллиптируясь, зафиксированные сложные лексемы могли закрепиться в составе неофициальных и официальных фамилий, а также деревенских прозвищ: *čiilinkarva* 'неуживчивый' (→ род *Ciili*), *huttupada* 'трепло; любитель поболтать' (→ *Huttuni*), *kehmonkulu* 'негодяй' (→ *Kehnone*), *lehtirebo* 'хитрец' (→ *Rebo*), *maholehmä* — о неспособной рождать женщине (→ *Maho*), *märgävaža* 'увалень' (→ *Važa*), *počinšlmä* 'человек с дурным глазом' (→ *Počči*), *tuhmakettu* 'несуразный, неказистый человек' (→ *Kettuni*).

Многие вопросы карелоязычной антропонимии ждут своего исследователя. Разработка их зависит от сбора антропонимического материала. Немаловажно и выяснение мотивов карельских имен, фамилий и прозвищ. Информация такого рода имеет безусловную культурно-историческую ценность.

Address

Denis Kužmin
Institute of Linguistics,
Literature and History
of Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
E-mail: kusmiccu@hotmail.com

Сокращения

ИК 1987 — История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Т. 1, Петрозаводск—Йоенсуу 1987; **КП 1707** — 707-го году. Книга переписная Олонецкого уезда переписи Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильевича Апгрелева за их руками. — Российский го-

сударственный архив древних актов (Москва). Ф. 1209. оп. 1. д. 8579, с 531—548; **НТК** — Научная топонимическая картотека Карелии и сопредельных областей (Институту языка, литературы и истории (Петрозаводск)).

ЛИТЕРАТУРА

Тупиков Н. М. 1903, Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ имень, С-Петербургъ.
Кокконен, J. 2002, Rajaseutu liikkeessä. Kainuun ja Pielisen Karjalan asukkaiden kontaktit Venäjän Karjalaan kreivin ajasta sarkasotaan (1650—1712), Helsinki (Bibliotheca Historica 79).

Nissila, V. 1975, Suomen Karjalan nimistö, Joensuu.
Pääkkönen, L. W. 1898, Kesämätkoja Venäjän Karjalassa sekä hajanaisia kuvauskia Karjalan kansan nykyisyydestä ja entisyydestä. — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja 18, Helsinki.

ДЕНИС КУЗЬМИН (Петрозаводск)